

3 ОКТЯБРЯ – ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

У Сергея Есенина дома, в Константинове

Погода в Константинове, как обычно, не баловала участников праздника. Но и то благо, что обошлось без дождя. Лишь из-за Оки дул порывистый северный ветер, но он не

мог охладить любви к поэзии великого рязанца, 119-ю годовщину со дня рождения которого отмечали жители села и гости. На главной площади нас встречали артисты самодей-

тельных фольклорных коллективов, представители выставок-продаж местных умельцев-ремесленников и продуктовой ярмарки. В «Стойле Пегаса» – импровизированном кафе под

открытым небом – состоялись в чтении стихов юные любители поэзии.

Министр культуры и туризма Рязанской области Виталий Попов рассказал о творчестве

Сергея Есенина, истоки которого зарождались на этой земле. Выступил руководитель Высших литературных курсов поэт Валентин Сорокин, напомнивший о роли Сергея Есенина в русской поэзии. Генеральный директор журнала «Молодая гвардия» Евгений Юшин вручил дипломы лауреатов Всероссийского Есенинского конкурса Виктору Кирышину из Москвы, Геннадью Морозову из Касимова и Александру Тихонову из Омской области.

Поэты из столицы и Рязани радовали поклонников поэзии своими новыми стихами под внимательным взглядом знаменитого земляка, взиравшего с огромного портрета, парящего над окскими просторами. Выступили Андрей Шацков, Евге-

ний Артамонов, Андрей Крючков, Иван Голубничий, Сергей Панферов, Владимир Хомяков и другие участники ставшего поистине всенародным праздника. Как всегда, порадовали певцы Рязанского русского народного хора имени Евгения Попова, исполнившие песни на стихи Сергея Есенина.

Участники и гости праздника долго не расходились. Всегда трудно расставаться, пусть и до следующего визита: с домиком, где родился Есенин, с памятником Поэту, с усадьбой Кашиной, воспетой им в стихах и ставшей музеем. А еще с необычным заокским простором, начало которому – здесь, в Константинове.

Владимир ПРОНСКИЙ
Фото автора

ВЫСТАВКА

Когда лапти лечат

Белорусские ремесленники представили в Санкт-Петербурге диковинных кукол, национальную одежду и обувь, сувениры. Выставка народных промыслов состоялась в рамках Дней белорусской культуры в Северной столице.

Дрибинский район Могилевской области давно славился своими кустарями. Еще в XIX веке в день Ильи Пророка на знаменитые Дрибинские торжки приезжали покупатели из самых отдаленных уголков, чтобы купить работы мастеров соломо- и бисероплетения, ткачей, вышивальщиц. Главное достоинство Дрибинщины – шапальство, или шерстобитное и валяльное мастерство. Шаповалы изготавливали головные уборы – брыли и магерки, валенные рукавицы (сподки) и, конечно же, валенки. Это ремесло передавалось из поколения в поколение.

Мастерица Жанна Масалова о валенках говорит с любовью и со знанием дела: «Изготовление этой обуви – процесс трудоемкий и долгий. Мастера – в основном мужчины. Каждая пара имеет свой неповторимый орнамент – тоже из шерсти. Он выполняется при помощи специальной иглы. Цветная шерсть просто набивается в поверхность». Рядом с валенками – колodka и специальный молоток, которым разбивается голенище. Мастер говорит: «Зачастую приходится работать с индивиду-

альными заказами. А у всех людей не только размер ноги разный, но и ширина стопы и голенища». Носить такой валенок лучше на босу ногу, что очень件но для циркуляции крови.

За валенками на Дрибинщину и сегодня приезжают из самых разных городов и даже стран. Вот и на выставке в Санкт-Петербурге визитные карточки Дрибинского районного историко-этнографического музея разлетелись мгновенно, посетители оставляли заказы и даже пробовали научиться у мастеров этому диковинному искусству.

А из Дома ремесел деревни Коровичино привезли на выставку изделия из соломы, ткани и природных материалов. На стенде – шкатулки, корзинки, украшения. И, конечно же, лапти – всех размеров, на любой вкус. «Лапти очень быстро изнашивались», – говорит мастерица Валентина Павлюк. – Их плели зимой, всей семьей. Сплетали целый мешок лаптей – ведь весной не будет времени: наступит посевная, затем жатва. Хотя носили их именно в сырое и холодное время года – осенью и

весной, а летом ходили босиком. Лапти плелись специально на размер больше – чтобы надевать их не на босу ногу, а подкладывать внутрь овчину, солому – чтобы было теплее ногам». Лапти – еще и лекари. Неровная поверхность внутренней части обеспечивает массаж стопы.

Традиционные соломенные куклы служили в основном для украшения. Но были и обрядовые куклы, которые изготавливались из ткани и природных материалов. У каждой – свое предназначение. Вот главная – Зерновушка или Клубеничка. Считалось, что благодаря Зерновушке хозяйка дома будет сыты, одеты, обуты, а в кошелек всегда будет денюжка. Обычно эту куклу ставили под икону. А весной, когда начиналась посевная пора, первым опускали в землю зерно из ее живота – чтобы урожай был богатым.

На свадьбу жениху и невесте дарили кукол-незалучниц, символизирующих верность. Те же девушки, которые мечтали выйти замуж, плели куколку Капусту и выставляли ее на подоконник.

Есть и другие куклы на выставке – Кубышка или Травница, кукла-целительница Здоровье и маленькая куколка Счастье...

Татьяна СЕРГЕЕВА

ГОЛОС

Надо быть готовым к чуду

Стартовал 3-й сезон российского телешоу «Голос». В прошлый раз в нем победил белорус – баритон Сергей Волчков.

Сегодня лауреат I Премии Международного конкурса молодых исполнителей русского романа «Романсиада», обладатель высшей общественной награды «Молодое дарование России» – Чаритовая звезда в гостях у «СВ».

– Сергей, все ожидали, что модная передача «Голос» будет продвигать эстрадное искусство. Вы же представляете классику, как думаете, почему зрители проголосовали за вас?

– Весь мир раньше пел «Калинку-малинку» и «Подмосковные вечера». Я вырос на музыке Александра Градского, Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева, Анны Герман, Аллы Пугачевой, Валерия Леонтьева. Эти артисты

несли русскую культуру, а сейчас мы по радио и ТВ слышим в основном зарубежных исполнителей. Я тоже их слушаю, но хочу, чтобы дочка, которая родилась 3 января 2014 года, знала и Майку Джексона, и Елену Образцову.

– Ваши соперники по шоу хоть и не выиграли, но с успехом гастролируют по России.

– Да, Наргиз Закирова очень хорошо собирает залы, рад за нее. И она, и Гела Гуралия уже были готовы к сольным эстрадным программам. Но я академический исполнитель. Не так просто поехать по городам: для этого нужно собрать оркестр, сформировать сольную программу на 24 произведения.

ФОТО ВЕРА

Кроме того, для меня крайне важно было дать первый сольный концерт дома, на родине. И я сделал это, выступив этим летом на «Славянском базаре в Витебске».

– Вы остановили свой выбор на академическом репертуаре, может быть, есть смысл обратиться к популярной музыке?

– Не думаю, что мне, с моим голосом, подошли бы песни, условно говоря, Димы Билана. Не хочу приводить примеры из современной эстрады, но там зачастую «два притона, два прихлопа» считаются музыкой. Для меня важен текст, внутреннее содержание произведения, драматургия, мелодика. Люблю романсы, поэзию. Мне интересно творить в музыке, а не декларировать что-то. Это только кажется, что легко взять знаменитую песню и выступить с ней. Произведению, которое исполнили до тебя, важно дать новое звучание, вложить свои интонации. Зритель всегда сравнивает с оригиналом. Собственный репертуар – тоже сложный вопрос. Мне прислали много музыкальных произведений, были предложения и от известных людей, но я не готов пока что-то выносить на суд публики.

– Шоу-бизнес сильно отличается от того мира, в котором вы жили до триумфального участия в телешоу?

– Большой разницы не заметил. Приходилось общаться и с теми, о ком говорят, что у них «звездная болезнь», но после двух часов общения понимал: нормальный человек. Часто спрашивают, почему меня так долго не было слышно и видно. Скажу так: у меня за плечами 7 с половиной лет музыкальной школы, 4 года музыкального колледжа в Могилеве, ГИТИС в Москве, и только на 3-м курсе я понял, что готов принимать участие в серьезных конкурсах. Первым была «Романсиада» в 2011 году, занял там 1-е место. Когда-то Николай Басков на этом конкурсе стал вторым.

– То есть сначала образование, потом сцена?

– Да. Многие считают, что и без академий можно научиться петь. Уверен: профессиональное образование, особенно академическому исполнителю, необходимо. Может быть, для исполнителя в жанре поп-музыки и достаточно студий и кружков, но чтобы исполнять то, что хочешь, чтобы был пластичным, вокально постоянно совершенствоваться. Кроме того, получив актерское образование, я могу делать гораздо больше, чем просто петь.

– С вами когда-нибудь случались чудеса?

– Был момент в жизни, когда меня, студента 2-го курса ГИТИСа, Центробанк пригласил на корпоратив в качестве Деда Мороза. Я ходил, раздавал подарки и при этом пел. Хотел и робел, но, как спасение для самого себя, делал то, что у меня получалось лучше всего. А когда позвали поздравить главу банка, я спел романс. Тот удивился: «О, какой у нас поющий Дед Мороз!» В итоге меня пригласили 9 Мая поздравить ветеранов, а потом позвали на сцену в «Крокус-Сити», куда студенту-второкурснику попасть просто невозможно. Можно сказать – повезло. Но я думаю, что чудо происходит с теми, кто своим трудом приближает его. Сегодня мой гастрольный график расписан до января 2015 года. Это и благотворительные концерты, и сольные, и закрытые. 13 ноября – мой второй сольный концерт и первый в России. Он состоится в Московском Международном доме музыки, в Светлановском зале. В планах – участие в конкурсах мирового уровня.

– Белорусским или российским артистом себя ощущаете?

– Не делю себя между Россией и Беларусью, и там, и там – я дома. Моя жена и ребенок – в Москве, а в Быхове живут мои родители. К Беларуси отношусь трепетно. Если хотите, я чувствую себя полномочным представителем Союзного государства.

Ольга КРУЧЕНКОВА

ПЕРСОНА

Марина РАЗБЕЖКИНА:

Спокойные времена непродуктивны для искусства

Известный российский кинодокументалист Марина Разбежкина считает, что для кинематографиста очень важна среда.

Та самая, которой ей так не хватало, когда в 2003 году она окончательно переехала в Москву из Казани. Поэтому она рада за своих учеников из Школы «Режиссура документального кино и документального театра», которую ведет вместе с худруком Театр.doc Михаилом Угаровым: восемь выпускных их образовали эту самую среду и варятся в ней, помогая друг другу.

Марина Разбежкина – автор игровых фильмов «Время жавы» и «Яр», десятков документальных лент, отмеченных призами отечественных и зарубежных фестивалей. Ее ученики – постоянные участники и призыеры Артдокфеста – так, в прошлом году лучшим полнометражным фильмом на фестивале был признан «Последний лимузин» ее ученицы Дарьи Хлесткиной. А сама педагог показала «Оптическую ось».

Сегодня Марина Разбежкина – гость «СВ».

– Марина Александровна, столь резкая смена жизненных ориентиров в России в течение последних десятилетий документалистам была в помощи или наоборот?

– Мне, как и всякому человеку, хочется жить в спокойные времена, но в России никогда не было «застоев», непродуктивных для искусства, тем более для документалистики. Вот почему кинематографисты благополучных стран снимают в основном в странах третьего мира или у нас.

Сложные ситуации в стране для документалистов всегда оборачиваются мощным материалом. И дело не столько в актуальной тематике, сколько в фокусе взгляда. Вот в позапрошлом году на Артдокфесте победил фильм моего студента о вездеходчиках Камчатки. Мы хорошо помним, какими героями представляли вездеходчиков в советские времена. Сейчас эти парни на экране погружены в свой быт, в свою нелегкую, но абсолютно «человеческую» жизнь. И это не означает, что они изменились, просто в 60-70-х была потребность в героях, а сейчас важно разглядеть частного человека.

– Как вы формулируете задания своим ученикам?

– Мы не занимаемся знаменитыми людьми, мы снимаем тех, о ком мало кто узнает, если мы их не снимаем. Каждый год посвящен у нас отдельной теме, например такой исчезающей реальности, как заводы. Знаете ли вы, что слова «рабочий» уже нет в словарях многих стран мира? В скандинавских странах на высокотехнологичных производствах трудятся операторы, а не рабочие. И в нашей стране мы не можем остановить технологический прогресс. У нас он, конечно, задерживается, потому что мы отстаем лет на 50 от общего процесса.

На Артдокфесте-2013 был замечательный фильм нашей выпускницы Дарьи Хлесткиной «Последний лимузин», который я продюсировала. О том, как на

ЗИЛе сделали лимузины на заказ, а потом от них отказались. По Красной площади на параде прошли другие машины. Мы увидели потрясающих специалистов, которых уже немного осталось, и временщиков-гастробайтеров. Увидели прекрасную женщину-бригадира, которая всю жизнь проработала на заводе. Какая высочайшая у нее мера ответственности за дело! Семья «Последнего лимузина» могут сравнить с киноэкспедицией в тундру, где изучают исчезающую народность. Также в течение двух лет мы работали еще над темой фермеров.

– Ваши студенты активно участвуют в Артдокфесте...

– Артдокфест был заявлен как фестиваль независимого кино и в этом смысле с самого начала не менялся. Другое дело, что меняется сам стиль кинематографа, потому что если в документальном кино ты не попадаешь в современность, ты проигрываешь. Поэтому фильмы, которые сегодня сняты с «оптикой» начала 2000-х, выглядят старыми. Никогда жизнь не менялась так стремительно, как меняется в XXI веке. Фильм рождается из драмы человеческой жизни. Когда говорим о драме, не обязательно подразумевать, что кто-то умер или кого-то зарезали. Может быть драма отсутствия контакта со временем. Сейчас это сплошь и рядом происходит.

– В программах Артдокфеста немало фильмов об жизни людей дня, чем объясните этот интерес? Взять хотя бы фильмы вашей ученицы Мадины Мустафиной «Милана» и «Еще чутко, мрази».

– Не понимаю, когда с пренебрежением говорят – зачем мы занимаемся людьми дня? Нам важно ответить на вопрос, почему люди живут так, а не иначе. Для меня драма этой девочки, живущей на улице, не меньшая драма, чем какой-нибудь девочки из интеллигентной семьи. Террор по отношению к детям есть во всех слоях общества, и в нашем обществе знают об этом, но предпочитают «не заглядывать за стенку». А за стеной мамы с хорошим образованием могут унижать своих детей, и это куда более страшно, чем унижение, которому подвергает свою 7-летнюю дочь пьяная 24-летняя деваха-мать. Нам кажется, что мы знаем, как живут эти люди, на самом деле мы просто проходим мимо них. И для меня очень важно с помощью камеры заглянуть внутрь этой жизни и увидеть, что происходит с этими людьми в каждую секунду времени. На мой взгляд, это сегодня самое интересное.

У нас запрещено оценивать человека, которого мы снимаем, говорить – это плохая девочка, а это – хорошая женщина. Считаю это высокомерием со стороны культурной среды, где априори «хорошей» считается наша жизнь.

– Не за нарушение ли этого запрета вы критиковали Ирину Васильеву, режиссера фильма «Ку-ку, или Две беды»?

– Нет, там другая история. Дело в том, что долгое время центром моего наибольшего интереса была деревня, из деревни были мои дедушка с бабушкой. И я долго шла к тому, чтобы пережить «состояние почвенниче-

ства» и абсолютно уйти от него. Пушкин в конце жизни написал очерк, где рассказывает о том, как он пытается попасть в больницу к своему товарищу, а дежурная со скандалом его не пускает. «Как же так», – спрашивает Пушкин, – она же вышла из того народа, который я люблю и из которого вышел сам! Что происходит с этим народом, почему он стал таким озверевшим?»

А фильм «Две беды» получил интеллигентской игрушкой. Ты приезжаешь в заброшенную деревню, где живут два забавных мужика, острых на слово, и ты очень хочешь их полюбить, напиться от них народной мудростью. Но в какой-то момент они становятся другими, настолько мерзкими, что рядом с ними уже невозможно существовать. Так рассказы, почему невозможно, покажи, как меняется у тебя к ним отношение, как это страшно на самом деле. А вместо этого ты начинаешь в кадр пускать мыльные пузыри.

– Антон Павлович Чехов любил загадывать, какой будет жизнь через 100-200 лет, в вашем фильме «Оптическая ось» крупным планом показаны люди с фотографий начала XX века, и они так похожи на нас.

– Фотографию считаю одним из самых сильных искусств – куда точнее кинематографа. Из-за границы всегда беру книги по фотографии, старые снимки. А русского фотографа Максима Дмитриева (1858-1948), на век которого пришлось все войны, революции и «угулаги», я очень люблю. Он не был арестован, но большинство работ его было уничтожено. Но все же осталось

много пластин начала XX века. Это был один из первых фотографов-реалистов. Люди на его фотографиях производят на меня магнетическое впечатление – это они разглядывают нас, а не мы их. Из этого впечатления у меня родился замысел картины «Оптическая ось». 100 лет на самом деле очень маленький отрезок времени, и он не очень изменил нас. И самый мощный сюжет в фильме – о старике, который делает деревянную ложку. Для меня он – абсолютный Микеланджело. Просто в качестве камня здесь выступает дерево.

– Это правда, что 16-летним подростком вы не боялись осваивать тайгу, жили там по два месяца?

– Я прочитала книги Мель-

никова-Печерского «В лесах» и «На горах» и решила посмотреть, что сохранилось в этих местах с XIX века. Ходила по Керженцу, куда бежали после раскола первые старообрядцы, ходила одна, что очень важно: в одиночестве быстрее учишься понимать незнакомых тебе людей, разговаривать с ними, рассматривать незнакомую тебе жизнь. По этому принципу устроена и моя школа: на съемки, хоть на Камчатку, выпускаю студентов по одному, они должны сталкиваться с жизнью без всякой защиты.

– Связано ли что-то в вашей жизни с Беларусью?

– Кино я стала снимать после перестройки, когда ликвидировали «первые отделы», не допускавшие к режиссуре людей без

диплома об окончании кинематографического вуза. Мне было 40, и первым фестивалем, на который я поехала, стал Фестиваль женского кино в Минске. Там я познакомилась со многими кинематографистами и обрела, что называется, среду...

– Говорят, в ближайшее время документалистика победит во всех видах искусства, что скажете?

– Знаю, что документальный кинематограф никуда не исчезнет, несмотря на то что жизнь ставит нас в трудные условия – денег нет, паблисити, экрана, ТВ нет. Трудная ситуация, но мы выживаем, потому что умеем бороться как никто.

Беседовала
Нина КАТАЕВА

Ложарный базар в городе Семенове. 1897 г. Фото Максима Дмитриева